Примечания к трехлетнему процессу с И. Кобзоном

Слухи о бессилии "четвертой власти" — журналистской — были опровергнуты в июне прошлого года известным певцом Иосифом Кобзоном, заявившим, что он возмущен произволом американских властей, которые пошли на поводу у представителей некоторых средств массовой информации и только, дескать, поэтому отказали ему в визе на въезд в США, аннулировали выданную ранее многократно визу и вид на жительство в Америке.

Следует отметить: влияние прессы "профессор" Кобзон сильно преувеличил. Об этом свидетельствует решение Савеловского межмуниципального суда г. Москвы, заочно удовлетворившего иск певца о защите чести и достоинства, предъявленного И. Кобзоном к автору этих строк и газете "Советская Россия" в июне 1994 года. Иск и требования о возмещении морального вреда предъявлялись к публикации от 19.12.92 — "Под опекой О. В.". О том, что же инкриминировалось автору статьи, чуть ниже. А пока — о нескольких удивительных моментах этого судебного заседания. Решение было вынесено, как уже говорилось, заочно, без присутствия автора статьи или его адвоката и представителей газеты.

Никто из нас повесток вообще за все длительное судебное разбирательство (почти три года) не получал, что легко проверить в записях экспедиций ИТАР-ТАСС, где я работаю, или в аналогичной службе "СР". Но сей факт не помешал в решении суда отметить: ответчики были извещены должным образом. Хотя решение не вступило в законную силу, и у нас, ответчиков, был шанс обратиться в кассационную инстанцию, которым мы и воспользовались, народный судья Марина Голованова выдала на руки копию решения представителям АО "Московит", возглавляемого И. Кобзоном, и те, размолив его в несколько сотен экземпляров, разослали в средства массовой информации, чтобы там, естественно, не очень акцентируя на слове "заочно", донесли сей победоносный факт до народа.

Когда мой представитель — известный московский юрист Александр Островский — принес судье жалобу и попросил дело для ознакомления, то выяснилось: судья не сдала его в канцелярию, так как оно не заверено народными заседателями. Как помнится, это не помешало М. Головановой вручить его гонцам из "Московита". Крупнейшие

процессуалисты уверяют: это однозначный повод для отмены решения. Но ведь дело-то опять попадет к тому же судье, неслужбная заинтересованность которой проглядывала еще с первых заседаний. Так, во время нашей первой встречи в суде, когда в полдень был объявлен перерыв, Иосиф Давыдович простодушно сказал Головановой: "У меня в 18.00 — самолет. И вообще вы обещали, что сегодня все закончится". Тогда адвокаты заявили судье отвод — его не удовле-

ни звонки мне домой уже прекратились. Ставшего почти национальным героем, О. В. обидели мои размышления о том, почему убитого в бандитской "разборке" его старшего брата Амирана похоронили именно на Ваганьковском кладбище, у входа. О. В. позвонил мне домой (август 1993 года): "Звоню в последний раз. Бог за моего брата вас накажет". Под Богом, видимо, имел в виду себя: позже знакомые оперативники говорили, что меня спасла лишь быстрая публикация о со-

лонии строгого режима в Тулуне Иркутской области. Архивы подобного рода надо запрашивать в ГУИН МВД РФ, а не в оперативном подразделении — Московском уголовном розыске, где и без Япончика дел сейчас хватает, да и подзабыли они его явно: обозвав дедушку отечественного рэкета В. И., в то время как он Вячеслав Кириллович.

Еще более странным представляется непонятный вывод судьи, что этого дела, где содержится доказательства участия

никогда не смогут получить ответа. Как говорил Конфуций: "Трудно искать кошку в темной комнате, особенно если ее там нет".

Теперь о второй части "судебного романа". Сразу же после подачи в Савеловский суд своего иска И. Кобзон дал интервью ежесемейнику "Совершенно секретно". Он заявил, что я не права, связывая его имя с преступными авторитетами, так как, по его сведениям, "эта девица пьет, курит, ведет свободный образ жизни и вообще успешно совмещает две

часкими ошибками. В сентябре прошлого года ему вернули дело, но по сей день он не может переписать резолютивную часть своего решения и отправить дело в Мосгорсуд. Таким образом, благодаря этой волоките вынесенное почти год назад судебное решение не может вступить в законную силу.

О "грамотности" этого судьи говорит и такой факт. В процессе судебного разбирательства с И. Кобзоном по поводу его высказываний в интервью "Совершенно секретно" он дал другой газете еще одно интервью, где "сведения" из моей жизни явно усугубил (правда, сейчас Иосиф Давыдович направил в редакцию "Собеседника" письмо-опровержение, в котором сообщил, что его именем злоупотребили и эта публикация — фальшивка). Но год назад я об этом не знала и поддала А. Соколовскому второй иск. 2 марта 1995 года он отказался принять его, сославшись на нестандартность длины листа, на котором было написано заявление. При этом подкрепил сей факт ст. 130 УПК РФ. Самое любопытное, что таким образом судья Пресненского суда существенно обогатил Уголовно-процессуальный кодекс, так как законом ни длина, ни цвет бумаги, на котором написано заявление, не регламентируются.

Итак, если в августе 1993 года, узнав о том, что бандит Амиран Квантришвили был похоронен у входа на Ваганьковском кладбище, газета провела аналогию с Сицилией, то сейчас, когда у входа на то же кладбище трехметровый ангел простирает свои крылья над могилами двух братьев, таких аналогий уже и проводить не хочется — правосудие по-сицилийски давно поблекло по сравнению с нашим. Судебный беспредел, связанный с иском Кобзона ко мне и моим к Кобзону, — явный тому пример.

А тем временем список стран, которые закрыты для нашего известного певца, значительно увеличился. Сначала была Америка, потом Израиль попытался выдворить его насильственным образом. К этому времени казаки Краснодарского края объявили бывшего почетного гражданина "персоной нон грата". И последние новости: г-ну Кобзону на днях отказано в так называемой Шенгенской визе и визе в Израиль. Радость по поводу "выигрыша" в Савеловском суде можно отметить песней "Гуд бай, Америка, Европа и Израиль".

Лариса КИСЛИНСКАЯ.

Судебный романс

Соб. Россия. — 1996 — 14 марта. — с. 2

творили. В общем, если правосудие и дальше пойдет по этому накатанному пути, не придется удивляться, застав дома повестку следующего типа: "Завтра явиться на казнь. Форма одежды — рубашка без ворота, шею тщательно помыть" — или: "Затылок выбрить и намазать зеленкой".

Теперь немного об истории широкоизвестного судебного романа. В статье "Под опекой О. В." речь шла в основном о неизвестном Отари Витальевиче Квантришвили, его роли в досрочном освобождении патрона и наставника — Вячеслава Иванькова (известный "вор в законе" по кличке Япончик, 8 июня 1995 года арестован в Нью-Йорке), а также о наших с О. В. беседах, его тогда завуалированных угрозах в мой адрес. Упомянулось там и о связях известного певца с мафией. Речь, в частности, шла о досрочном освобождении Япончика. Иосиф Давыдович направил в редакцию письмо, где ничего не опровергал, скорее, говорил о своей роли в искусстве, о добре и зле. Его опубликовали вместе с моим ответом. Украшением полосы стала фотография (позже ее тиражировали многие газеты), где известный артист сидит за дружеским столом с молодым "вором в законе" Виктором Никифоровичем по кличке Калина (позже убит) и преступным "авторитетом" Аlikом Тахтауновым по кличке Тайванчик (сейчас живет в Германии). Тогда Кобзон в суд не подавал. Его иск, как он сам не раз говорил, стал ответом на серию моих публикаций на смерть его друга Отари Квантришвили, застреленного 5 апреля 1994 года при выходе из краснопресненских бань. К тому време-

держании этого разговора в "СР" (статья "На Ваганьково, как в Сицилии"). Чуть позже О. В. уже перешел от слов к делу. Выступившему против спортивного мецената спортивному журналисту Алексею Матвееву, работавшему в то время в "Российской газете", неизвестные нанесли рваную рану поперек всего лица. Неизвестные так и остались неизвестными, а О. Квантришвили, особенно не таясь, говорил: "Одного мы уже прочутили".

Вопрос о взаимоотношениях Кобзона и Квантришвили в суде не обсуждался — певец дружкой с последним гордился. Но когда в суде потребовалось доказать за давностью лет его участие в деле освобождения Япончика, мы, ответчики, заявили ходатайство о приобщении к нашему делу арестантского дела Иванькова. Требование было удовлетворено, документы Япончика искали более года и найти не могли. И вот в заочном решении суда судья М. Голованова пишет: "Как следует из ответа управления уголовного розыска ГУВД Москвы от 6.04.95 года — № 3/1288, арестантского дела на Иванькова В. — в архиве ЗИЦ ГУВД Москвы нет, в связи с чем УУР ГУВД не может подтвердить или опровергнуть сведения, изложенные Кислинской Л. Ю. в статье "Под опекой О. В.". С таким же успехом суд мог в качестве доказательства невиновности И. Кобзона и несостоятельности моих доводов получить справку из Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина или парижского Музея восковых фигур — там тоже нет арестантского дела В. Иванькова, потому что и быть не должно. Япончик отбывал срок в

известного певца в досрочном освобождении не менее известного "вора в законе", я сама не видела, хотя на заседании суда год назад — нормальном, не заочно, все говорилось с точностью до наоборот.

Теперь о других доказательствах. Я прекрасно понимаю, почему Иосиф Давыдович не подал в суд в декабре 1992 года, когда была напечатана статья: еще не вышло время. Летом 1994 года многое сменилось: руководство ГУВД Москвы, большинство оперативного состава, да и Япончик в то время крепко осел на Брайтон-Бич, где его год спустя арестовали.

И вообще многое сменилось. Так, разработку Калины в 1990 году (а именно об этом времени говорится в моей статье "Под опекой О. В.") как "вора в законе" вместе с МУРОМ вели сотрудники КГБ СССР. Когда он был арестован по подозрению в убийстве, его телефон на законном основании — с санкции прокурора — прослушивали. Закон об оперативно-розыскной деятельности был принят позже, поэтому в милиции протоколы прослушивания не хранились. Зато они оставались в комитете. Именно там в одном из протоколов можно было прочитать, что супруга Калины обращалась за помощью к известному артисту, который позже — в 1992 году — принимал участие в похоронах убитого Никифорова. Но дело в том, что в 1994 году, когда певец обратился в суд, не было не только КГБ, но и СССР. Непонятно только, как в гражданском суде будут разбираться со всеми этими специфическими особенностями: видимо, опять пошлют запрос туда, где

древнейшие профессии". В следующем, сентябрьском номере газета опубликовала опровержение и принесла мне свои извинения, поэтому к ней у меня претензий нет. Зато они появились к И. Кобзону — я тоже подала в суд, но Пресненский. В течение 9 месяцев ответчик И. Кобзон в суд не являлся и о причинах своего отсутствия никого не уведомлял. Судья Антон Соколовский относился к этому совершенно спокойно и заочных решений не выносил. Наконец 12 мая прошлого года слушание состоялось. Адвокат певца уверял: "Свободный образ жизни — это все равно что свободный образ мысли, и вообще за свободу мы долго боролись", а "совмещение двух древнейших профессий" — это совсем не то, о чем все подумали. Все остальное в таком же духе, то есть никаких доказательств того, в чем его подзащитный уверял читателей. Узнав о том, что я не курю и вообще никогда не курила, адвокат заметил: "Очень многие достойные люди курят, и ничего в этом особенного нет". И хотя моему адвокату не раз приходилось напоминать судье, что он судья, а не защитник И. Кобзона, иск был удовлетворен. Правда, Антон Соколовский посчитал, что моя честь и достоинство тянут только на 500 тысяч рублей. Для сравнения: Савеловский суд в своем заочном решении моральный вред И. Кобзону оценил в общей сложности в 15 миллионов рублей.

Далее события развивались так. 18 мая 1995 года адвокат Кобзона подал кассационную жалобу в Мосгорсуд. В процессе слушания выяснилось: судья Соколовский оформил решение с глубокими юридическими и техни-